

УДК 343(091)

В. А. Гашенко

Институт переподготовки и повышения квалификации
сотрудников ФСБ России
Красный просп., 84, Новосибирск, 630091, Россия
E-mail: pravo@vestnik.nsu.ru

ОПЕРАТИВНАЯ РАБОТА ОРГАНОВ НКВД-НКГБ СССР В ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЯХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ ГАРФ)

Исправительно-трудовые лагеря и колонии Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР являлись местами отбывания наказания лицами, осужденными, согласно УК РСФСР, за контрреволюционные и другие преступления.

В соответствии с задачами уголовной и исправительно-трудовой политики Союза ССР, а также в зависимости от социальной опасности отдельных категорий осужденных, последние направлялись в исправительно-трудовые лагеря или колонии, где использовались на порученных Наркомату внутренних дел производственных и строительных работах¹.

К началу Великой Отечественной войны в системе Главного управления лагерей (ГУЛАГ) НКВД СССР находилось 53 исправительно-трудовых лагеря (ИТЛ) с множеством отделений, 425 исправительно-трудовых колоний (ИТК) (в том числе 170 промышленных, 83 сельскохозяйственных, 172 «контрагентских», т. е. выполнявших работы для различных наркоматов и ведомств), а также 50 колоний для несовершеннолетних. В первые месяцы войны из районов, которым угрожала оккупация, было эвакуировано 27 лагерей и 210 колоний с 750 тыс. заключенных. На 1 декабря 1944 г. имелось 53 ИТЛ с 667 отделениями и 475 ИТК (среди них 17 лагерей с усиленным режимом и 5 лагерей для каторжан) [9. С. 228].

¹ Это регламентировалось положениями главы X введенного в действие в мае 1941 г. Временного устава службы военизированной охраны исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД (ВУС-41) [2. Д. 2509. Л. 126].

Территория Западной Сибири исторически являлась местом ссылки и концентрации пенитенциарных учреждений, как при царской, так и при советской власти. Большинство лагерей и колоний, в которых велась оперативная работа органами НКВД в годы войны, были созданы еще накануне военного времени, а многие из них продолжали свое существование и после войны. Так, например, только среди лагерей, находившихся на территории западносибирского региона в 1930-х – 1940-х гг., можно назвать следующие²: *Тайга* (лагерь в Кемеровской области); *Дзержинский* (поселок-лагерь в Искитимском районе Новосибирской области); *Колпашево* (поселок-лагерь, место расстрелов); *Колывань* (поселок-женский лагерь); *Кривошековские лагеря* (№№ 5, 6, 7, привлекавшие к строительству левобережной части Новосибирска); *Ложок* (поселок-отдельный (штрафной) лагерьный пункт (ОЛП-4), на окраине Искитима, Новосибирская область); *Пихтовка* (поселок-лагерь на севере Новосибирской области); *Саллаг* (лагерь на окраине Искитима, Новосибирская область); *Томсклаг* (лагерь для жен врагов народа); *Бекет*, *Воскресенка* (лагеря в Кемеровской области); *Горношорские лагеря* (лагеря, осуществлявшие строительство железной дороги до станции Таштагол Кемеровской области); *Кемерлаг* (лагерь использовался при строительстве химкомбината); *Кольгон* (лагерь-высел в Кемеровской области, в котором заключенные работали без

² Приведенные названия носят условный характер, поскольку они являются не столько официальными названиями лагерей, сколько обозначают места их дислокации.

конвоя – «расконвойка»); *Котовский* (женский лагерь, совместное содержание политических заключенных и уголовников, Кемеровская область); *Кузнецклаг* (лагерь использовался для строительства металлургического комбината в г. Сталинске, ныне г. Новокузнецк в Кемеровской области); *Майск-1*, *Майск-2* (лагеря в Кемеровской области); *Мариинск* (лагерь для инвалидов в Кемеровской области; здесь же располагалось управление лагерей особого назначения – СИБУЛОН); *Новоивановка*, *Новый свет* (лагеря в Кемеровской области); *Спасск* (поселок-лагерь золоторудного прииска в Кемеровской области); *Сталинск* (лагерь в г. Сталинске); *Южкузбаслаг* (управление лагерей в Сталинске); *Юрга* (пересыльный лагерь, место расстрелов); *Яя* (женский лагерь в Кемеровской области, заключенные которого использовались на лесозаготовительных работах); *Аламбай*, *Боровлянка*, *Письяново* (поселки-лагеря в Алтайском крае); *Кзыл-Озек* (пересыльный лагерь, размещался в бывшем женском монастыре в Горно-Алтайске); *Сектелет* (лагерь на реке Белой в Алтайском крае); *Чудиновка* (поселок-лагерь в Новосибирской области) [1. С. 2].

Из этой обширной пенитенциарной системы, дислоцировавшейся на территории Западной Сибири, в годы войны наиболее активно функционировали следующие ИТЛ:

Алтайский ИТЛ (Алтайлаг). Организован 22.01.1943., закрыт 06.04.1945. Подчинялся Главному управлению лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС) НКВД СССР. Администрация лагеря находилась в с. Михайловка Михайловского района Алтайского края, недалеко от станции Кулунда Омской железной дороги. Алтайлаг занимался производственной деятельностью, связанной со строительством железной дороги «Кулунда – Михайловское», возведением зданий для печей Михайловского содового комбината и жилищным строительством. Численность заключенных Алтайского ИТЛ на январь 1944 г. составляла 6 473 чел.; на июль 1944 г. – 6 273 чел.; на январь 1945 г. – 4 024 чел.

С 22.01.1943 по 24.05.1943 Алтайлаг возглавлял майор госбезопасности И. Г. Петренко, с 24.05.1943 по 02.04.1945 – подполковник госбезопасности И. Д. Макаров, с

02.04.1945 по 24.05.1948 – Н. Л. Ефимов [6. С. 141].

Сибирский ИТЛ (Сиблаг) организован еще до начала Великой Отечественной войны, в 1929 г. и до 1942 г. носил название СИБУЛОН; действовал до 1961 г. [6. С. 141]³.

Накануне войны и до апреля 1942 г. Сибирский ИТЛ подчинялся УИТЛК УНКВД СССР по Новосибирской области, а с апреля 1942 г. и до апреля 1953 г. – ГУЛАГу НКВД СССР. С 1939 по 1942 г. администрация лагеря дислоцировалась в г. Новосибирске, а с 1942 г. и до закрытия лагеря – в г. Мариинске [6. С. 391].

Сиблаг включал в себя лагерные отделения, дислоцированные возле железнодорожных станций и населенных пунктов, например: ст. Ахлун (Кемерово, штрафной лагерь), Кемеровожилстрой, Венгерово (Новосибирская область), ст. Амзас, Мариинск, Белогорка, Асино, Томск-1, Максимкин Яр, ст. Ложок (Искитим, штрафной лагерь), ст. Табулга, ст. Чебулга и др.⁴

Отделения Сиблага занимались следующими видами производственной деятельности: сельское хозяйство (полеводство и животноводство); лесозаготовка и угледобыча; договорные («контрагентские») работы на производственных предприятиях, а также с Союззолотом; авто- и железнодорожное строительство; рыболовство и металлообработка; выпуск швейной, трикотажной, валяльной, овчинно-шубной, кожевенно-обувной продукции [6. С. 392].

Численность заключенных Сибирского ИТЛ в годы войны составляла: на июль 1941 г. – 51 828 чел.; на январь 1942 г. – 77 919 чел.; на апрель 1942 г. – 70 370 чел.;

³ Становление Сиблага приходится на военные годы и связано с последующим образованием Кемеровской области. На основании приказа заместителя народного комиссара внутренних дел СССР Комиссара госбезопасности 3 ранга Круглова от 07.04.1942 г. № 0116 «О разукрупнении УИТЛК УНКВД по Новосибирской области» было проведено выделение из состава УИТЛК УНКВД по Новосибирской области одиннадцати хозяйств и на их базе организован единый сельскохозяйственный лагерь НКВД с дислокацией его администрации в г. Мариинске. Указанному лагерю этим приказом было присвоено наименование «Сиблаг НКВД» [5. С. 160].

⁴ По материалам документального фильма «Святой концлагерь», подготовленного в 2004 г. телекомпанией NTSC в рамках серии историко-публицистических передач «Неизвестная Сибирь». Фильм демонстрировался 19.01.2005. по Новосибирскому телевидению.

на январь 1943 г. – 30 463 чел.; на январь 1944 г. – 29 627 чел.; на январь 1945 г. – 39 455 чел. В военные годы Сиблаг возглавлял (с 07.04.1942 по 07.07.1945) подполковник госбезопасности Р. П. Филимонов [6. С. 392].

Во всех ИТЛ Западной Сибири, как и во всех лагерях и колониях ГУЛАГа, органами НКВД–НКГБ осуществлялся ряд специфических функций, получивших обобщенное наименование «оперативная работа». С учетом того, что данная работа осуществлялась разными лагерными подразделениями, рассмотрим, каким образом органы НКВД–НКГБ были представлены в лагерях и какие функции они выполняли. Это позволит внести ясность в существующее до сих пор нечеткое представление о том, чем же «оперативная работа» в лагерях и колониях отличалась от работы «оперативно-чекистской».

Как правило, в штатном расписании «стандартного» лагеря НКВД числились подразделения, на которые были возложены функции ведения оперативной работы в лагере. В большинстве случаев эти подразделения назывались «оперотделения». Они существовали в двух видах: 1) в виде оперативного (оперативно-розыскного) подразделения, входящего в состав Отделения режима и внутренней охраны (Отделения охраны и розыска); 2) в виде самостоятельного оперативно-чекистского отделения (Оперчекотдел, ОЧО) [2. Д. 879. Л. 15 – 15 об., 37]. Штат каждого отделения состоял из начальника, делопроизводителя-машинистки и исполнительных работников (оперуполномоченных, оперработников) [2. Д. 879. Л. 15 об.]. При этом штат оперативно-чекистских отделений составляли кадровые сотрудники НКВД–НКГБ, которые занимались оперативной работой в лагере на положении прикомандированных сотрудников местного управления НКВД–НКГБ⁵, а штат оперативных подразделений охранно-

режимных отделений составляли сотрудники военизированной охраны (ВОХР)⁶.

Помимо этих «внутрилагерных» органов безопасности, функции обеспечения общественной и государственной безопасности в лагерях выполняли и территориальные органы НКВД–НКГБ, расположенные в окрестностях лагеря. Так, например, в Уставе службы военизированной охраны исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД, в разделе «Оперативная работа в сельской местности и городах», говорилось, что в случае побега заключенных из лагеря командиры оперативных подразделений лагеря (колонии) должны вести работу по розыску бежавших в тесном контакте с: а) территориальными органами милиции, уголовного розыска, сельскими и поселковыми советами депутатов трудящихся – в сельской местности); б) местными органами НКГБ, органами уголовного розыска и милиции – в городах [2. Д. 2509. Л. 97]. Кроме того, начальники местных (территориальных) управлений НКВД (краевых, областных), а также их заместители, имели право проверять состояние штрафных изоляторов в лагерях, а также правомерность заключения в

⁵ Практика назначения чекистов на оперативную работу в лагере сложилась еще в тридцатые годы. Для работы в ИТЛ кадровыми органами госбезопасности осуществлялся поиск добровольцев из кадровых сотрудников, а если их не находилось, назначение проводилось в принудительном порядке (причем за отказ от назначения на работу в лагере применялись и меры уголовной ответственности, вплоть до лишения свободы) [8. С. 455, 458–459].

⁶ Военизированная охрана лагерей (ВОХР) не входила в состав внутренних войск организационно, но по сути это были те же войска, поскольку формировалась охрана лагерей, в основном, из отслуживших срочную службу пограничников и бойцов внутренних войск. Для усиления дисциплины и повышения ответственности служащих в ВОХР лиц с марта 1942 г. на всех вохровцев распространялось действие Дисциплинарного устава Красной Армии, а самим сотрудникам ВОХР присваивались специальные воинские звания (по типу спецзваний в НКВД–НКГБ) [3. Д. 68. Л. 129–30]. По некоторым данным, численность военизированной охраны всех лагерей и колоний СССР в 1941 г. к началу войны составляла 135 тыс. человек. После начала войны и до середины 1942 г. 93 500 вохровцев пополнили внутренние войска, будучи вновь призванными на действительную службу. Восполнение численности ВОХР с того периода велось за счет бойцов, получивших ранения и признанных негодными к несению строевой службы [9. С. 174–175].

изолятор и правильность содержания в нем заключенных [2. Д. 2509. Л. 138].

Главной целью деятельности *чекистских органов* (органов НКВД–НКГБ) в исправительно-трудовых лагерях и колониях было обеспечение государственной безопасности. Именно такого рода деятельность и называлась оперативно-чекистской работой. В ходе этой работы сотрудники оперативно-чекистских отделений решали следующие задачи: ведение учета преступного элемента, содержащегося в лагерях и колониях; ведение следственной работы по совершенным в лагерях преступлениям; борьба с повстанчеством в лагерях и колониях; борьба с диверсиями и вредительством; борьба с побегами заключенных; борьба с контрреволюционным саботажем; борьба с хищениями социалистической собственности в лагерях; контроль процесса освобождения заключенных, осужденных за контрразведывательные и другие особо опасные преступления [2. Д. 68. Л. 32–43].

Основной целью деятельности *органов военизированной охраны* (ВОХР) в лагерях являлось поддержание установленного административного порядка, а также надежная изоляция заключенных от внешнего мира. Для достижения этой цели вохровцы решали следующие задачи: физическая охрана содержащихся в лагерях и колониях заключенных; конвоирование заключенных внутри лагеря (для конвоирования за пределами лагеря привлекались, как правило, внутренние (конвойные) войска); обеспечение лагерного режима и поддержание порядка; пресечение попыток к бегству и розыск бегжавших заключенных; охрана и оборона (в том числе с помощью войск НКВД) складов и других лагерных сооружений [2. Д. 2509. Л. 10].

Наглядное представление о мероприятиях, проводимых органами НКВД–НКГБ в рамках оперативно-чекистской работы, а также о причинах их проведения в лагерях в годы войны, дает раздел под названием «Обеспечение государственной безопасности в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД» в «Докладе о работе ГУЛАГа за три года Отечественной войны (1941–1944)», составленном 17 августа 1944 г. начальником ГУЛАГа НКВД комиссаром госбезопасности 3-го ранга Наседкиным в адрес наркома внутренних дел

Л. П. Берия. В частности, в данном документе сообщалось:⁷

«С первых дней войны значительно активизировалась вражеская работа среди заключенных, отбывающих наказание в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД. Антисоветская работа проявлялась в создании многочисленных повстанческих организаций и групп, подготовке вооруженных и групповых побегов из лагерей и колоний, распространении среди заключенных пораженческой, фашистской агитации, усилении бандитизма и других уголовных преступлениях⁸.

⁷ Здесь и далее сохранена оригинальная стилистика цитируемых документов. – *Прим. ред.*

⁸ «Антисоветская агитация» в условиях лагеря нередко имела успех и представляла порой вполне реальную угрозу благополучию и спокойствию лагерного начальства. Вынося обвинительные приговоры по статье 58-10, лагерные суды в большинстве случаев были убеждены, что основная цель антисоветской агитации в лагере – «вызвать недовольство режимом и организовать саботаж и срыв выполнения государственных плановых заданий».

Наиболее распространенной формой антисоветской агитации было так называемое «комментирование». Более 70 % лиц, привлеченных к суду по статье 58-10, обвинялись в том, что они публично комментировали во враждебном, антисоветском духе прочитанные газетные статьи, услышанные по радио речи советских руководителей, доклады и выступления политработников ГУЛАГа. Распространенной формой «антисоветской агитации» было вывешивание в лагерях в ночное и предутреннее время лозунгов и листовок «контрреволюционного содержания».

В основном в антисоветской агитации обвинялись лица, уже имевшие одну или несколько судимостей за контрреволюционные преступления. Среди подсудимых лагерных судов встречались даже настоящие «политические рецидивисты». Так, например, заключенная Сибирского ИТЛ М. Ф. Карпова осуждалась по статье 58-10 семь раз. Статья 58-10 часто превращала в «политических заключенных» людей, весьма далеких от политики, многие заключен-

Наряду с этим участились случаи контрреволюционного саботажа со стороны заключенных, членовредительства в целях уклонения от работы, а также возросли нарушения лагерного режима и хищения социалистической собственности.

Задача обеспечения государственной безопасности в лагерях и колониях потребовала с самого начала войны проведения следующих основных мероприятий:

– усиления вербовки среди заключенных и других лагерных контингентов агентурно-осведомительной сети;

– систематического проведения оперативно-профилактических мероприятий, направленных к недопущению антисоветских выступлений и волынок среди заключенных;

– принятия оперативных мер к ликвидации в самом зародыше антисоветских выступлений и других активных вражеских действий, в особенности организованных.

В результате выполнения этих мероприятий попытки вражеских элементов к активным антисоветским выступлениям своевременно предотвращались» [2. Д. 68. Л. 32].

Наряду с изучением задач, решаемых органами НКВД–НКГБ в рамках их оперативной работы в ИТЛ и ИТК военных лет, не меньший интерес представляет исследование компетенции сотрудников лагерных оперативно-чекистских отделений.

Изучение архивных документов ГУЛАГа НКВД СССР показывает, что совокупность должностных прав и обязанностей оперативного уполномоченного оперативно-чекистского отделения лагеря (колонии) образовывала достаточно внушительный «пакет».

Так, оперуполномоченный оперативно-чекистского отделения лагеря имел право выносить постановление о водворении провинившихся заключенных в штрафной изолятор лагеря; он должен был докладывать в Центр (в Оперативный отдел ГУЛАГа НКВД СССР) обо всех происшествиях в ла-

гере, например, о случаях применения оружия против заключенных стрелками ВОХР, пожарах, о заболеваниях заключенных, кражах, совершенных заключенными, фактах «сожительства» сотрудников ВОХР с заключенными, самоубийствах заключенных и охранников, «поножовщине» среди заключенных, случаях нападения заключенных на администрацию лагеря, об авиационных налетах противника на лагеря и жертвах этих налетов, стихийных бедствиях (наводнениях и т. п.) в местах расположения лагерей, хищении оружия и др. По всем указанным фактам сотрудниками ОЧО проводились служебные расследования, результаты которых докладывались «наверх» [2. Д. 39. Л. 7–16].

Кроме того, по ходатайству оперативно-чекистских отделений лагерей и колоний НКВД Оперативным отделом ГУЛАГа в годы войны рассматривались вопросы о снятии с работы административных работников лагерей (например, комиссаров охраны лагерей) как «не справившихся с работой, проводивших недостаточную политико-воспитательную работу, допускавших антисоветские высказывания, самовольные отлучки, пьянки и другие проявления падения дисциплины» [2. Д. 39. Л. 74].

Сотрудниками ОЧО ИТЛ и ИТК НКВД СССР осуществлялся контроль над порядком хранения секретных документов в штабах ВОХР, секретариатах лагерей и колоний [2, д. 39, л. 83], выявлялись факты нарушения «революционной законности» со стороны сотрудников ВОХР по отношению к заключенным (например, случаи избияния охранниками заключенных, доведение охранниками заключенных до самоубийства) [2. Д. 39. Л. 98].

Сотрудники ОЧО осуществляли аресты заключенных, призывавших других к неповиновению лагерной администрации, а также тех, кто допускал антисоветские высказывания [2. Д. 39. Л. 106]. По инициативе чекистов отстранялись от хранения и работы с взрывчатыми материалами «особоопасные государственные преступники» (т. е. лица, осужденные за контрреволюционные преступления) [2. Д. 39. Л. 117]. Сотрудники органов госбезопасности расследовали случаи пожаров в лагерях, выясняя, не явились ли они умышленным поджогом;

ные, осужденные ранее за бытовые, должностные или хозяйственные преступления, попадали в разряд «контрреволюционеров» за рассказанный анекдот, критические высказывания в адрес начальства, «за разговоры» или просто по наговору недоброжелателей (см.: [4. С. 292–293]).

пресекали случаи неофициального общения сотрудников охраны с заключенными, в процессе чего заключенные могли узнать о реальном положении дел на фронтах, в тылу и прореагировать непредсказуемым образом [2. Д. 39. Л. 120, 125].

В соответствии с Директивой НКВД СССР № 107 от 12.03.1942 оперативные уполномоченные ОЧО проводили «чистку» кадров ВОХР лагерей и колоний: чекисты проверяли вновь зачисленных на работу в лагерную охрану лиц, выявляя среди них «социально-чуждые элементы» (бывших контрабандистов, белогвардейцев, участников вооруженных антисоветских восстаний) [2. Д. 39. Л. 113].

Для демонстрации деятельности территориальных органов НКВД–НКГБ в исправительно-трудовых лагерях и колониях в годы войны «на местах» рассмотрим работу оперативно-чекистских отделений Сиблага.

В годы войны заключенные лагерей и колоний ГУЛАГа НКВД СССР продолжали рассматриваться в качестве дешевой рабочей силы, использовавшейся во многих важнейших отраслях народного хозяйства – угледобыче, золотодобыче, лесоповале, строительстве железных дорог, на оборонных предприятиях и т. д. [5. С. 201]. В связи с этим, остро стоял вопрос сохранения наибольшего количества рабочих рук и их рационального использования. Начальники лагерей несли личную ответственность за поддержание в лагерях условий, способствующих более-менее сносной жизнедеятельности заключенных, а сотрудники оперативно-чекистских отделов должны были контролировать соблюдение лагерной администрацией этих правил. Обо всех случаях нарушений правил содержания и труда заключенных чекисты докладывали по своим каналам в центральный аппарат ГУЛАГа, который должен был принимать соответствующие меры, устраняющие выявленные недостатки.

В качестве примера заботы сибирских чекистов о сохранении численности рабочего контингента Сиблага можно привести следующее спецсообщение № 45/4341 из Оперативного отдела ГУЛАГа НКВД СССР, составленное 02.11.1941 и подписанное заместителем начальника Оперативного отдела ГУЛАГа НКВД СССР капитаном госбезопасности Когенманом:

«По сообщению Оперативного Отдела УИТЛК УНКВД Новосибирской области, в Кривошековском, Ахлурском, Кузнецком и Новосибирском отделениях Сиблага имеет место значительный рост смертности среди заключенных.

В Кривошековском отделении с 26 апреля по 11 октября с. г. умерло 238 заключенных, за месяц с 26 августа по 26 сентября – 130 заключенных.

В Новосибирском отделении с 1 марта по 17 октября с. г. умерло 204 человека, за время с 26 сентября по 17 октября – 102 человека.

Причиной столь большой смертности, а также массового заболевания заключенных, содержащихся в указанных отделениях Сиблага, являются – истощение от систематического недоедания в условиях тяжелых физических работ и распространение, вследствие этого, гемокалита, пеллагры, ослабление сердечной деятельности.

Не менее серьезной причиной большой заболеваемости и смертности является – несвоевременное оказание медицинской помощи заключенным со слабым здоровьем, использование заключенных на тяжелых физических работах с удлиненным рабочим днем без дополнительного питания, отсутствие правильной организации питания.

Много случаев смертности среди заключенных происходит в результате несвоевременного оказания медицинской помощи больным. Так, заключенный Кривошековского отделения Кочельгин, нуждавшийся в срочном стационарном лечении, был помещен в стационар лишь через неделю, вследствие чего он умер.

Заключенные того же отделения Хохрин, Громов и Глоба своевременно в стационар помещены не были и были оставлены без необходимой медицинской помощи, вследствие чего все они умерли.

Имеют место также факты смертности, завшивленности, истощения и эпидемических заболеваний среди этапиремых заключенных из пересыльных пунктов лагеря в Отделение.

Так, из доставленных в Мариинское отделение из Новосибирского пересыльного пункта 8 октября 1941 г. 539 заключенных, более 30 %, оказалось завшивленными, все с резким истощением пелларгического харак-

тера. Вместе с этапом доставлено было 6 трупов.

В ночь с 8 на 9 октября с. г. умерло еще 5 человек.

Прибывший 20 сентября с. г. в Мариинское отделение из того же пересыльного пункта этап оказался на 100 % завшивленным, многие из заключенных были без нательного белья.

В день прибытия этапа из 8 заключенных, помещенных в госпиталь, умерло 3 заключенных.

В последнее время в Сиблага выявлены факты вредительства со стороны некоторых медицинских работников лагеря из числа заключенных.

Так, лекпом Анжерского лагпункта Тайгинского отделения Готовский К. П., осужденный по ст. 58, п. 10, создал группу из 4-х заключенных, которая организовала саботаж на производстве. Участники группы умышленно посылали на тяжелые физические работы больных заключенных и несвоевременно оказывали им медицинскую помощь, чем стремились сорвать работу лагерного пункта.

В Кривошековском отделении привлечены к уголовной ответственности за преступное отношение к медицинскому обслуживанию заключенных врачи (из заключенных) – Яковлев и Спекторов.

О преступной практике в деле медицинского обслуживания, снабжения и трудиспользования заключенных, Оперативный Отдел УИТЛиК УНКВД Новосибирской области неоднократно ставил вопрос перед руководством лагеря, однако, несмотря на выделенные комиссии и изданные по ИТЛ приказы, положение до настоящего времени не улучшилось» [2. Д. 39. Л. 91–93].

Кроме преступлений, связанных с небрежным отношением к здоровью заключенных, в лагерях Сиблага чекистами выявлялись даже такие виды преступлений, которые можно назвать экзотическими для условий неволи. Так, в спецсообщении оперативного отдела ГУЛАГа НКВД СССР от 22.06.1942 указывалось, что «Оперативно-чекистским отделом УИТЛиК УНКВД по Новосибирской области арестован фальшивомонетчик Бочкарев, работавший в качестве художника в Кривошекинском отряде военизированной охраны УИТЛиК.

При обыске у Бочкарева изъяты изготовленные им клише для подделки денежных знаков купюрой в 3 червонца, краски, резиновые валики и другие приспособления.

Бочкарев показал, что подготовку к выпуску фальшивых денег он вел с помощью Долматовой Т., работающей на военном заводе в Кривошеково, которая на этом заводе похитила деталь для штамповки патронов и передала ее Бочкареву, изготовившему из этой детали клише.

Следствием установлено, что соучастником Бочкарева являлся также снабжавший Бочкарева крахмалом и бумагой, необходимыми для выпуска фальшивых денег, заведующий столовой ВОХР Кривошековского отделения УИТЛиК Руслаев.

Долматова и Руслаев арестованы. Следствие продолжается» [2. Д. 39. Л. 140–141].

В лагерях Сиблага чекистами разоблачались и так называемые диверсионные группы. Так, в спецсообщении от 04.06.1942, составленном начальником Оперативного отдела ГУЛАГа НКВД СССР, сообщалось: «Оперативно-Чекистским отделом Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний УНКВД по Новосибирской области вскрыта в Яйском лагерном отделении диверсионная группа, состоявшая из заключенных женщин и подготавливавшая поджог Яйской швейной фабрики, выпускающей продукцию для Красной Армии.

Участниками диверсионной группы являлись:

1. Перцева, осужденная в 1940 г. по ст. 58, п. 8 и 10 УК к 10 годам.
2. Гуцева, осужденная в 1937 г. как социально-опасный элемент к 5 годам.
3. Чипчик, осужденная в 1938 г. как социально-опасный элемент к 5 годам.
4. Маслова, осужденная в 1941 г. по ст. 58, п.10 УК к 10 годам.

Для осуществления своего намерения участники группы подготовили керосин, спрятали его у здания ЦЭСа Яйской фабрики с тем, чтобы вечером поджечь фабрику. О готовящемся поджоге в тот же день стало известно нашей агентуре, в результате чего пожар был предотвращен и диверсионная группа арестована» [2. Д. 39. Л. 145].

Сотрудники сибирских оперативно-чекистских отделов выявляли нарушителей режима не только среди заключенных и ла-

герной администрации, но и среди своих «коллег-смежников» – работников ВОХР.

Так, например, согласно спецсообщению начальника УИТЛиК УНКВД по Новосибирской области, отправленному в Управление охраны ГУИТЛиК НКВД СССР 28.04.1941, «стрелок военизированной охраны Бондарь Ф. И., будучи дежурным по 3 лагпункту, пьянствовал у себя на квартире. На замечание жены, Бондарь обнажил револьвер и произвел в нее 4 выстрела, но сделал промах.

После этого Бондарь, придя в контору лагпункта, двумя выстрелами убил работавшую счетоводом заключенную Медведеву А. Н., а затем сам покончил жизнь самоубийством.

В кармане полушубка стрелка Бондарь обнаружена им написанная записка, в которой он указывает о его сожительстве с заключенной Медведевой и что они решили покончить жизнь самоубийством.

Расследование ведется оперативно-чекистским отделом. На место происшествия командирован зам. командира дивизиона по политчасти тов. Дедков» [2. Д. 39. Л. 16].

По данным спецсообщения Оперативного отдела ГУЛАГа НКВД СССР от 15.07.1942, «Оперативно-чекистским отделом УИТЛиК УНКВД по Новосибирской области выявлены факты антисоветских проявлений со стороны стрелков военизированной охраны колоний.

В Осинском лагерном отделении стрелок Красноперов в беседе с заключенным заявил: "... Я служил в армии Колчака поваром, тогда было лучше, чем при Советской власти. Где Советской власти победить, когда 23 года занимались только тем, что ломали, да ремонтировали, воровали, да брюхо набивали, Керчь сдали, а в газетах пишут, что наши побеждают – получается наша берет и нос в крови...".

Стрелок Бердской ИТЛ Гусельников (с 1920 г. по 1922 г. являлся участником контрреволюционной банды), прибывший в охрану из Военкомата по мобилизации, систематически высказывает среди стрелков антисоветские настроения.

В Ахпунском лагерном отделении стрелок Новожилов в разговоре с другими стрелками о военных действиях на фронте Отечественной войны заявил: "... Я знал,

что защищал раньше, а вы знаете? Что хорошего у вашей власти – все сидят голодные...".

Стрелок Новосибирского дивизиона Шитников среди заключенных охраняемых им бригад распространяет провокационные измышления, предсказывает гибель Советской власти, ссылаясь на священное писание.

Среди личного состава военизированной охраны имеют место также факты грубого нарушения конвойно-караульной службы и преступной связи с заключенными.

Так, стрелок Пирогов, по просьбе группы конвоировавшихся им в г. Томск заключенных, зашел с ними на квартиру жены одного из заключенных, напился пьяным.

После этого Пирогов, конвоируя перепившихся заключенных, оставил на улице мертвецки пьяного заключенного Палыгина, а заключенному Петухову разрешил следовать в колонию № 1 самостоятельно, причем в пути Пирогов был задержан милицией.

Из Новосибирского отделения 8-го июня с. г., путем подкопа, бежали заключенные Дементьев и Дмитриев.

Расследованием было установлено, что подкоп был произведен на открытом месте и в 20 метрах от находившихся на посту стрелков Скуратова и Дроздова. Однако последние не заметили ни подкопа, ни побега.

В Прикульском лагерном пункте, работающую на сплаве бригаду в 38 человек охраняли 6 стрелков во главе с командиром отделения Зубаковым. В обеденный перерыв все стрелки ушли обедать, бригаду остался охранять один командир отделения. Воспользовавшись этим, заключенные Федоров и Корнилов совершили побег.

При преследовании заключенные оказали вооруженное сопротивление и ранили командира отделения.

8 июня с. г. стрелок Яйского отделения Пукалов после вечернего отбоя разрешал заключенным устраивать игры и танцы за зоной. Воспользовавшись этим, четыре заключенные женщины – Застрожнова, Дуреева, Почуева и Самойлова – бежали.

Стрелок Тайгинского отделения Басалаев 14 мая с. г. конвоировал бригаду заключенных в количестве 10 человек, отпустил заключенного Казакова по личным делам. Казаков сбежал.

Факты преступной связи стрелков с заключенными, в частности обмен и покупка вещей у заключенных, приняли в колониях Новосибирской области массовый характер.

Так, стрелки Половшиков и Крутько меняли на махорку армейские сапоги. Стрелок Надымов купил у заключенных две пары ботинок и пару белья. Стрелок Архипов выменял на молоко у заключенного Крапочева телогрейку. Стрелки Козлов и Соловьев выменивали у заведующего пекарней заключенного Фурманова хлеб на махорку.

Об этих фактах информирован командир дивизиона Алеутдинов, который, однако, никаких мер не принимает.

Оперативно-чекистским отделом УИТЛК УНКВД по Новосибирской области проводится расследование для привлечения виновных к уголовной ответственности» [2. Д. 39. Л. 148–151].

Таким образом, подводя итог исследованию основных направлений работы органов НКВД–НКГБ в лагерях и колониях Западной Сибири, можно сказать, что и оперативно-чекистские отделения, и отделения охраны в лагерях выполняли схожие функции – обеспечивали режим «нормального» содержания заключенных, подразумевавший отсутствие побегов, восстаний и т. д., только делали это разными силами (в ОЧО эти функции выполняли чекисты (сотрудники НКВД–НКГБ), в отделе охраны – вохровцы (лица, мобилизованные на службу через военкоматы) и разными методами (чекисты – конфиденциальными, агентурными, путем вербовки осведомителей (агентов) из числа заключенных с последующим проведением предварительного расследования и доведением полученной информации до лиц, уполномоченных принимать ответственные решения, а вохровцы – официальными, режимными методами, путем проведения обысков, конвоирования, преследования и задержания бежавших заключенных).

Список литературы

Возвращение памяти: Ист.-публ. альманах. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1991.

ГАРФ. Ф. Р–9414сч. Оп. 1.

Иванова Г. М. Лагерная юстиция в СССР. 1944–1954 / Отв. Ред. А. Н. Сахаров. // Труды института российской истории РАН. М.: Наука, 2004. Вып. 4.

Клеценко В. Д. Документы Сиблага НКВД СССР военного периода (1942–1945 гг.) как исторический источник // Историческое краеведение в школе и вузе: Материалы первой Всерос. науч. конф. (14–15 декабря 1994 г.). Кемерово, 1994.

Прудникова Е. А. Берия. Преступления, которых не было. СПб.: Изд. дом «Нева», 2005.

Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справ. / Об-во «Мемориал», Государственный архив Российской Федерации / Сост. М. Б. Смирнов, под ред. Н. Г. Охотина, А. Б. Рогинского. М.: Звенья, 1998.

Сысоев Н. Г. Тайный сыск России. От жандармов до чекистов. М.: Вече, 2005.

Топтыгин А. Лаврентий Берия. Неизвестный маршал госбезопасности. М.: Эксмо; Яуза, 2005.

Хазиаахметов Э. Ш. В недрах ГУЛАГа: 40-е годы // Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне: Материалы Всерос. науч. конф. Омск, 1995.

Материал поступил в редколлегию 19.09.2005